

Александр ДЭС

МИЛКА. ДОРА. И ПЯТАК...

© НАН. 2026

***

Цикл - "... не выдуманные истории той жизни..."

МИЛКА. ДОРА. И ПЯТАК...

... Мила. Милка-Людмилка. Так её звала соседка, тётя Феодора... Феодора - эти буквы отображали в таком сочетании её имя в графе "Имя", как было начертано в её, Феодоры, паспорте... Отзывалась же по жизни она на имя "Дора". Тётя Дора... Оно очень шло ей, это имя - Дора. Дородная, всегда цветущая, как говорится, "и душой и телом", женщина немного за сорок... Сосед Пятак, её муж, так прямо и говорил: "Сорок пять - баба ягодка опять...". А Пятак - потому что такая у него присказка была: "- Дай пятак, чуток не хватает". Вот так... И эту, её, Феодору молодости, историю, она и рассказала Милке, после работы на базе, овощной продовольственной базе, где тётя Дора работала учётчицей... ПРО ЛЮБОВ...

***

... Она отвела взгляд от только что сгенерированной ей картинки... Посмотрела на монитор, перевела направление взгляда на "клаву".... И комната наполнилась таким странным, таким немного шуршащим, таким цокающим, как подковы скакунов кавалергардов, перестуком... Что вышагивают парадным порядком мимо окон дам, а они, дамы, не могут пропустить такой, ... кхм ... , такой милый их маленьким ушкам "стрекот"... В веке XVIII или середины XIX... "... и в воздух чепчики бросали...". Милка вдохновились по полной... Её теперь - не остановить...

***

...Феофан вывалился из рюмочной, хлопнув дверью так, что дребезгнуло стекло. Ночной воздух ударил в лицо - холодный, острый, как осколок. Он втянул его носом, пытаясь унять жар в груди, но внутри всё равно полыхало. Ревность. Злость. Обида. Она снова смотрела на того парня из булочной... снова улыбалась ему... Эта мысль, как заноза, впиалась в сознание, заставляя сердце биться в бешеном ритме.

Он шагнул вперёд, ноги подкашивались. Двадцать шагов. Десять. Пять. Фонари мерцали тускло, отбрасывая рваные тени на мокрый асфальт. Где-то вдали - лай собаки, скрип ставни, шёпот ветра в водосточных трубах. Обычные звуки ночного города, которые, когда успокаивают, когда настораживают, по-разному бывает... Теперь же казались зловещими... Феофан сжал кулаки, ногти впились в ладони. Боль хоть немного отрезвляла, но не могла заглушить внутренний крик. Ещё три шага. Ещё шаг.

Вдруг - шорох. Резкий разворот. В переулке, за углом, мелькнул силуэт. Феофан замер. Сердце застучало в висках. Милиция? Он сделал вид, что поправляет рукав, краем глаза следя за тенью. Та не двигалась. Может, просто бродяга? Он двинулся дальше, стараясь дышать ровно. Прошёл ещё два шага. И тут - звук. Чёткие, размеренные шаги по брусчатке. Не один человек. Двое?.. Трое?..

Феофан ускорил шаг. Алкоголь в крови мешался с адреналином, мир плыл перед глазами. Он свернул в узкий проход между домами, надеясь срезать путь до своей квартиры. Стены сдавливали со всех сторон, дыхание стало прерывистым. Ещё пять метров - и он дома. Ещё три. Нет!.. Не успел!

Свет фонаря упал на его лицо: - Стой!!!

Голос - низкий, металлический. Феофан обернулся. Трое в тёмно-серых плащах, фуражки надвинуты на глаза. Один держит фонарь, луч бьёт прямо в лицо. Второй - рука на кобуре. Третий - близко, стоит впереди всех, в руке - дубинка. Слегка размеренно, даже как-то нервно чуть касаясь, постукивает по тыльной стороне ладони.

- Нарушение времени, когда можно было ходить по городу, - произнёс первый. – Вы пьяны!.. Вы знаете правила.

Феофан попытался что-то сказать, но язык не слушался. Он сделал шаг назад, но сзади уже стоял четвёртый - бесшумно подошедший, словно тень.

- Не сопротивляйтесь, - сказал тот, что с дубинкой. - Будет хуже.

Холодная сталь наручников щёлкнула на запястьях. Феофан дёрнулся, но хватка была железной. Милиционер толкнул его в

спину, заставляя идти вперёд. Ботинки скользили по мокрому камню, каждый шаг отдавался гулом в голове.

- Это ошибка... - прошептал он.

- Все так говорят, - бросил тот, что с фонарём. Ухмыльнулся. - Пока не видят каталажку.

Они свернули за угол. Вдалеке, за высокими заборами, темнело здание с зарешечёнными окнами. Феофан почувствовал, как в груди что-то оборвалось. Он не дошёл, не успел, а дом был совсем рядом!..

***

... милиционер толкнул его к двери. Та распахнулась с протяжным скрипом. Внутри - полумрак, запах сырости и железа.

- Добро пожаловать, - прозвучал голос за спиной...

Металлическая дверь захлопнулась с каким-то обречённым лязгом. Время, пространство, жизнь, ему так показалось – остановились...

Единственная мысль билась в его голове: - Она даже не узнает, где я. Эта мысль была острее любого осколка, больнее любого удара. Не страх перед тюрьмой, не ужас от неизвестности, а именно эта обида, жгучая и всепоглощающая, парализовала его. Она будет спать в ИХ постели, возможно, даже не заметив его отсутствия. А если и заметит, то, наверное, вздохнет с облегчением.

Он прислонился спиной к шершавой стене, чувствуя, как холод проникает сквозь тонкую ткань рубашки. Влажный воздух давил на легкие, а запах гнили и чужих страданий вызывал тошноту. В полумраке он различил очертания других камер, запертых дверей, силуэты спящих, или не спящих, а нервно вышагивающих в ожидании чего-то других заключённых. Из одной камеры доносился тихий, надрывный стон. Из другой – наоборот, мерное похрапывание...

Феофан закрыл глаза, пытаясь отгородиться от реальности, но образы навязчиво всплывали перед внутренним взором: её смех, её взгляд, устремленный на другого. Он вспомнил, как они

познакомились, как она казалась ему самой прекрасной и недоступной. Как он добивался её, как радовался каждому её слову, каждой улыбке. И как постепенно эта радость сменилась тревогой, а потом и мучительной ревностью.

Он всегда знал, что он не идеален. Что он вспыльчив, что иногда пьёт лишнего. Но он любил её. Любил так, как, казалось, никто другой не сможет. И эта любовь теперь обернулась ядом, разъедающим его изнутри.

Вдруг дверь камеры распахнулась. В проёме стоял уже другой милиционер, с фонарём, на голове – форменная фуражка, лицо – непроницаемо и даже безразлично ко всему.

- Подъем, Феофан, - произнес он. Тон его голоса не оставлял сомнений, ВЫПОЛНЯТЬ... - На допрос.

Феофан поднялся, чувствуя, как каждый сустав протестует. Ноги были ватными, голова кружилась. Он поплёлся за милиционером по бесконечно длинному коридору, тусклые лампочки едва светили, ноги будто проваливались, ища опору... Шаги эхом отскакивали от стен, усиливая ощущение потерянности.

Его привели в небольшую комнату с одним столом и двумя стульями. На столе лежали какие-то бумаги. За столом сидел другой милиционер, наверное – старший этого участка. Он и был старше, с сосредоточенно-усталым лицом, проницательные его глаза цепко щекотали нервы Феофана.

- Присаживайтесь, Феофан, как вас? А, Раскидалов – произнёс он, утверждая очевидное. Он, указал на стул и перевёл взгляд на Феофана. - Расскажите, что вы делали на улице после времени, когда уже бродить в ТАКОМ, многозначительным тоном произнёс он, часа - ЗАПРЕЩЕНО!..

Феофан сел, чувствуя, как его охватывает дрожь. Он попытался собрать мысли, но они разбегались, как тараканы.

- Я... я просто шел домой, - пробормотал он. - Из рюмочной. Милиционер кивнул, не сводя с него взгляда.

- И почему вы были в таком подпитии? И почему так поздно?

Феофан сглотнул. Рассказывать о своей обиде, о ревности, о том,

как он пытался заглушить боль алкоголем, казалось унижительным. Он чувствовал себя жалким и ничтожным.

- Просто... так получилось, - выдавил он.

Милиционер вздохнул.

- Феофан, мы знаем, что вы не первый раз нарушаете ... таким образом, - он секунду помолчал, - установленный законом запрет. И не первый раз вас видят в нетрезвом виде. У нас есть протоколы, подтверждающие это.

Феофан опустил голову. Он знал, что это правда. Он часто срывался, особенно в последнее время.

- И что теперь? - спросил он, его голос был хриплым.

Милиционер откинулся на спинку стула.

- Теперь, Феофан, вы проведете здесь ПОЛОЖЕННОЕ по закону за совершённое правонарушение. Приговор не обсуждается. А потом... посмотрим. Суд определит, что будет потом.

Приговор. Феофан представил себе долгие дни и ночи в этой сырой камере, без НЕЁ, без надежды. И снова эта жгучая обида, как раскаленный уголь, обожгла его сердце. ОНА даже не узнает. И, возможно, ЕЙ будет всё равно. Это было самое страшное.

Он поднял голову, пресёкся взглядом с милиционером. В глазах того не было ни злости, ни сочувствия - лишь холодная усталость человека, который видел слишком много подобных историй. И эти, происшедшие с кем-то ещё истории, его порядком достали...

"Приговор" – его внутренний голос, повторял мысли Феофана, и в его, в этом внутреннем голосе отчётливо звучали нотки страха. Мне нужна помощь, Мне нужен совет. Как жить, на что надеяться. А это... это НАКАЗАНИЕ."

Милиционер как будто слышал его, он пожал плечами, сказал: - "Да, иногда наказание - это первый шаг к помощи. Когда человек доходит до дна, он начинает видеть вещи иначе. Или, по крайней мере, начинает слушать тех, кто пытается ему помочь."

Феофан отвернулся, уставившись на обшарпанную стену. Он видел не стену, а ЕЁ лицо. ЕЁ улыбку. Ту самую, что накануне

так его ранила. Не ему предназначенную, нет... Тому парню... Он вспомнил, как она смеялась, когда он рассказывал ей глупые шутки. Как она обнимала его, когда ему было плохо. Где всё это теперь? Растворилось в ночном воздухе, как дым из рюмочной.

"Она... она не знает," – прошептал он, так тихо, что милиционер не мог его слышать, больше для себя, чем для милиционера. "Она даже не поймет, почему меня нет."

Милиционер вдруг как-то странно посмотрел на Феофана. "Вы сами-то понимаете, что с вами происходит, Феофан?"

Этот вопрос повис в воздухе, тяжелый и неудобный. Феофан не знал ответа. Он знал только, что ему больно. Больно от её равнодушия, от своей беспомощности, от того, что он сам загнал себя в эту ловушку.

"Я... я просто хотел забыть," - наконец выдавил он. "Забыть. Забыть всё."

"Забыть - это не выход," - сказал милиционер. "Боль от того, что вы чувствуете, она не исчезнет, если её просто залить алкоголем. Она станет только глубже. И однажды она вас просто уничтожит."

Феофан молчал. Слова милиционера, казалось, проникали сквозь пелену алкоголя и обиды, достигая чего-то глубоко внутри. Он чувствовал себя опустошенным, но в этой пустоте зарождалось что-то новое. Не надежда, нет. Скорее, осознание. Осознание того, что он сам виноват. Что он позволил своей ревности и обиде управлять им.

"Что будет дальше?" - спросил он, его голос стал чуть тверже.

"Вы наказаны за нарушение закона, теперь будет решение суда," - ответил милиционер. "Потом, возможно, принудительное лечение. Но это зависит от вас. От того, как вы себя поведете. От того, захотите ли вы что-то изменить."

Феофан закрыл глаза. Он представил себе ЕЁ лицо, когда ОНА узнает о его аресте. Будет ли ОНА волноваться? Или просто пожалеет? Или, может быть, даже обрадуется? Эта мысль снова обожгла его, но теперь в ней было меньше ярости и больше

какой-то тупой, ноющей боли.

Его глаза открылись помимо его воли. Милиционер смотрел на него.

"Я... я не знаю, что делать," - признался Феофан.

"Для начала - перестаньте себя жалеть," - сказал милиционер. "И перестаньте винить других. Ваша жизнь - в ваших руках. Даже здесь."

Он встал. "Пора, Феофан. Время возвращаться в камеру. Подумайте над моими словами."

Феофан поднялся, чувствуя себя ещё более разбитым, чем раньше, но в то же время в его сознании промелькнула искра чего-то нового. Не надежды, а скорее, осознания. Осознания того, что он сам загнал себя в этот угол, и что только он сам может из него выбраться.

Обратный путь по коридору казался ещё длиннее. Каждый шаг отдавался не только гулом в голове, но и тяжестью в груди. Он снова оказался в своей камере, и металлическая дверь за ним захлопнулась с тем же зловещим лязгом. Он снова упал на холодный топчан, но на этот раз не было прежней безысходности. Была усталость, была боль, но к ним примешивалось что-то ещё - горькое, но отрезвляющее чувство ответственности.

Он лежал, уставившись в потолок, где тусклый свет проникал сквозь маленькое зарешечённое окошко. В голове крутились слова старшего милиционера: "Ваша жизнь - в ваших руках. Даже здесь." И слова о том, что боль не исчезнет, если её заливать алкоголем.

Феофан вспомнил, как часто он обещал себе, что это в последний раз. В последний раз он выпьет, в последний раз сорвётся, в последний раз позволит ревности ослепить себя. И каждый раз он нарушал эти обещания. Он был слаб. Он был трусом. Он боялся посмотреть правде в глаза. Правда была в том, что ОНА, возможно, действительно больше не любила его. Или, может быть, никогда и не любила так, как он хотел. Правда была в том, что он сам разрушал свою жизнь, пытаясь удержать то, что уже

ускользало. Впервые за долгое время Феофан почувствовал не только обиду, но и стыд. Стыд за своё поведение, за свою слабость, за то, что он докатился до такого состояния. Он представил, как ОНА узнает о его аресте. И впервые эта мысль не вызвала жгучей боли обиды, а скорее, глубокое сожаление. Сожаление о том, что он причинил ЕЙ боль, что он разочаровал ЕЁ, что он не смог быть тем человеком, которого ОНА, возможно, когда-то любила.

Перед ним, в его сумбурных мыслях мелькали не только её улыбка, но и его собственные ошибки. Его грубые слова, его пьяные выходки, его постоянные подозрения. Он видел, как он сам отталкивал её, шаг за шагом, пока между ними не образовалась пропасть.

И вот теперь он здесь. В холодной, сырой камере, один на один со своими демонами. И впервые он почувствовал, что это, возможно, не конец, а начало. Начало чего-то нового. Начало пути к себе.

Он не знал, что будет дальше. Не знал, сколько времени ему придётся провести здесь. Не знал, сможет ли он когда-нибудь вернуть её доверие, или хотя бы своё собственное. Но одно он знал точно: он больше не хотел быть тем Феофаном, который вывалился из рюмочной, хлопнув дверью, полным ревности, злости и обиды. Он хотел быть другим.

С этой мыслью, горькой, но дающей странное облегчение, Феофан наконец-то уснул на холодном топчане, впервые за долгое время без алкогольного дурмана, но с тяжестью осознания и едва заметным проблеском надежды на искупление.

***

Утро принесло с собой не солнечный свет, а лишь тусклое освещение, пробивающееся сквозь грязное стекло. Феофан проснулся от холода, пронизывающего до костей, и от ощущения тяжести в голове, которое не могло сравниться с похмельем. Это была тяжесть осознания. Он лежал, лежал не двигаясь, пытаясь осмыслить произошедшее. Вчерашний вечер казался сном, но реальность была куда более суровой.

***

Прошло несколько дней. ...Погожим солнечным утром дверь камеры распахнулась, и в проеме возник тот же старший милиционер, с усталым, но уже более внимательным взглядом.

"Подъем, Феофан," - сказал он, его голос был ровным, без тени насмешки. "Сначала - завтрак. Потом тебя отведут для разговора."

Феофан медленно поднялся, чувствуя, как ноют мышцы. Он посмотрел на милиционера, и в его глазах не было прежней отстранённости, скорее, какая-то тихая печаль.

"Я готов," - тихо ответил Феофан.

Завтрак был скудным, каким был и раньше, всё то время, пока он отбывал наказание за правонарушение, совершённое им. Кусок хлеба и миска какой-то каши показался почему-то вкуснее, чем в предыдущие разы, но Феофан ел с аппетитом, впервые за долгое время ощущая настоящий голод. После завтрака его отвели в комнату для допросов. Милиционер уже сидел за столом, перед ним лежала стопка бумаг.

"Феофан," - начал он, - "мы не хотим тебя наказывать просто так. Мы видим, что ты в беде. И мы хотим помочь. Но для этого ты должен быть честен с нами. И, главное, честен с самим собой."

Феофан кивнул, чувствуя, как к горлу подступает ком.

"Я... я не знаю, с чего начать," - прошептал он.

"Начни с того, что привело тебя сюда," - мягко сказал милиционер. "Нужно рассказать ВСЁ... Почему ты дошёл до жизни такой..."

Феофан закрыл глаза, и перед ним снова возник ЕЁ образ. Но на этот раз он видел не только её улыбку, но и своё собственное искаженное лицо, своё пьяное, ревнивое лицо. Он видел, как он сам разрушал то, что имел.

"Я... я был слишком ревнив," - начал он, его голос дрожал. "Я видел, как ОНА разговаривает с тем парнем из булочной, и мне показалось... мне показалось, что ОНА смотрит на него так же,

как раньше смотрела на меня. И я не смог это вынести."

"И что ты сделал?" - спросил милиционер.

"Я напился," - признался Феофан. "Я хотел забыть. Забыть её, забыть себя. Я думал, что алкоголь поможет мне заглушить эту боль. Но он только сделал её сильнее."

Милиционер слушал внимательно, не перебивая. "А потом... потом я вышел на улицу. Я просто хотел идти. Куда угодно. Лишь бы подальше от всего этого. От себя."

"И ты повстречал нас," - закончил милиционер. "Феофан, твоя обида - это яд. Он отравляет тебя изнутри. И он разрушает всё вокруг. Ты сам себя загнал в эту клетку."

Феофан поднял голову, его глаза были полны слез.

"Я знаю," - сказал он. "Я знаю, что сам виноват. Я потерял всё. Я потерял её. Я потерял себя."

"Ты не потерял себя окончательно," - возразил милиционер. "Ты просто заблудился. И сейчас у тебя есть шанс найти дорогу обратно. Но для этого тебе нужно перестать винить других и взять ответственность за свою жизнь."

Он протянул Феофану лист бумаги и ручку.

"Напиши ей письмо," - сказал он. "Напиши ей всё, что чувствуешь. Напиши, что тебе жаль. Напиши, что ты хочешь измениться. Это не гарантирует, что она тебя простит. Но это будет первый шаг. Шаг к себе."

Феофан взял ручку, его рука дрожала. Он посмотрел на чистый лист бумаги, и впервые за долгое время почувствовал не страх, а какую-то странную решимость. Он не знал, что напишет. Но он знал, что должен написать. Он должен попытаться. И он... Он начал писать... Слова текли медленно, с трудом вырываясь из глубины души. Он писал о своей ревности, о своей боли, о своём страхе. Он писал о том, как сильно он её любил, и как сильно он её ранил. Он писал о своём раскаянии, о своём желании исправить ошибки.

Когда он закончил, лист был исписан почти полностью. Он

протянул его милиционеру. Тот прочитал письмо, его лицо оставалось невозмутимым.

"Это хорошо, Феофан," - сказал он. "Это очень хорошо. Теперь мы отправим это письмо. А пока... тебе нужно будет пройти курс реабилитации. Это будет нелегко. Но это необходимо."

Феофан кивнул. Он был готов. Готов к любым трудностям, лишь бы только получить шанс начать всё заново. Шанс вернуть себя, а может быть, и её...

Дни в реабилитации тянулись медленно, каждый из них был похож на предыдущий. Это были не только беседы с психологом и групповые занятия, но и тяжелая внутренняя работа. Ему приходилось снова и снова переживать свои ошибки, свои обиды, свою боль. Но на этот раз он делал это осознанно, без алкогольного тумана, который раньше заглушал все чувства.

Он учился распознавать свои эмоции, понимать их корни, а не просто реагировать на них вспышками гнева или отчаяния. Психолог, пожилая женщина с добрыми, но пронзительными глазами, помогала ему разбираться в клубке его чувств. Она говорила о том, что обида - это не только боль от чужого поступка, но и нереализованные ожидания, и страх потери, и собственная неуверенность.

Феофан начал вести дневник. В нём он записывал свои мысли, свои переживания, свои открытия. Он писал о том, как тяжело ему было признать свою вину, как стыдно было за свои поступки. Но чем больше он писал, тем яснее становилось, что это единственный путь к исцелению.

И вот однажды, во время очередного занятия, психолог принесла ему конверт.

"Это тебе, Феофан," - сказала она, протягивая его. - "От неё."

Сердце Феофана замерло. Он взял конверт дрожащими руками. На нём был её почерк. Он не решался открыть его, боясь того, что там будет написано. Боясь окончательного приговора.

"Открой," - мягко сказала психолог. - "Что бы там ни было, это часть твоего пути."

Феофан глубоко вздохнул и разорвал конверт. Внутри было короткое письмо.

“Феофан, Я получила твоё письмо. Мне было тяжело его читать. Тяжело вспоминать всё, что произошло. Ты причинил мне много боли. И я не знаю, смогу ли я когда-нибудь забыть это.

Но я вижу, что ты пытаешься. Я вижу, что ты хочешь измениться. И это... это что-то значит. Я не могу обещать тебе ничего. Но я готова дать тебе шанс. Шанс показать, что ты действительно другой. Шанс начать всё заново. Но только если ты будешь честен с собой и со мной” и в конце: “Я буду ждать. Твоя Феодора...”.

Феофан дочитал письмо, и по его щекам потекли слёзы. Это были слёзы не отчаяния, а облегчения. Слёзы надежды. Она не отвернулась от него окончательно. Она дала ему шанс.

Он поднял глаза на психолога.

"Она... она дала мне шанс," - прошептал он.

Психолог улыбнулась. "Это только начало, Феофан. Самое сложное ещё впереди. Но теперь у тебя есть ради чего стараться."

С этого дня Феофан стал ещё усерднее работать над собой. Он понимал, что это не просто шанс на возвращение к прежней жизни, а шанс на создание новой, лучшей жизни. Он больше не хотел быть рабом своих эмоций, своей ревности, своей обиды. Он хотел быть свободным.

Когда пришло время его выхода из места, где проводилась его реабилитация, Феофан почувствовал – он стал другим... Он выглядел сильно похудевшим, но в его глазах появился ясный, осмысленный взгляд. Он был спокоен и сосредоточен.

У ворот его ждал тот самый старший милиционер.

"Ну что, Феофан," - сказал он, протягивая руку. - "Готов к новой жизни?"

Феофан крепко пожал его руку. "Готов. Спасибо вам. За всё..."

"Не мне спасибо," - ответил милиционер. - "Себе спасибо. Ты сам выбрал этот путь."

Феофан вышел за ворота. Ночной воздух ударил в лицо - холодный, но уже не острый, как осколок. Он вдохнул его полной грудью, чувствуя, как внутри разливается спокойствие. Он огляделся. Город спал, фонари мерцали тускло, отбрасывая рваные тени на мокрый асфальт. Но теперь эти тени не казались зловещими. Они были просто тенями. Он пошёл по знакомой улице, но на этот раз его шаги были уверенными. Он не спешил, не оглядывался, не боялся шорохов. Он просто шёл. Шёл к своему дому. К своей новой жизни.

Когда он подошёл к своей двери, он глубоко вздохнул. Он не знал, что ждёт его внутри, но был готов встретить это. Он постучал. Дверь открылась, и на пороге стояла ОНА... В её глазах не было ни осуждения, ни прежней обиды, лишь тихая надежда. Феофан улыбнулся, впервые за долгое время чувствуя себя по-настоящему свободным. Она - ЛЮБИТ!..

***